

Тепляков А.Г.

Дневник чекиста Семенова, или Голгофа воинствующего троцкиста и безбожника

Публикация и комментарии А. Г. Теплякова (Новосибирск). Январь 2006 г.

Предлагаемые документы посвящены любопытному эпизоду в истории внутрипартийной борьбы 1920-х гг. в Сибири – попытке противостояния молодого чекиста-коммуниста натиску партийной бюрократии, рьяно боровшейся за искоренение любого инакомыслия. Публикуемый дневник оперработника секретного отделения Минусинского окружного отдела ОГПУ Дмитрия Семёнова дополнен материалами, почерпнутыми из его партийного дела 1926 – 1929 гг. и следственного дела 1935 г. Дневник 1926 – 1929 гг., сохранившийся в следственном деле, публикуется полностью, за исключением некоторых плакатных стихотворений некоего В. Надольского, которые тот записал в дневник Семёнова (почти наверняка это В. А. Надольский, изгнанный в 1920 г. за злоупотребления властью с должности заведующего Кузнецким политбюро Томской губчека; смачно-апологетический стишок о ВЧК свидетельствует в пользу соответствующего прошлого автора).¹

Дело Д. Н. Семёнова было одним из первых подобных в Сибири. С очень схожими обвинениями тогда же (25 сентября 1926 г.) столкнулся на заседании новосибирской окружной контрольной комиссии ВКП(б) бывший популярный партизанский командир В. П. Шевелев-Лубков: ему пришлось заплатить членством в партии за отказ раскрыть имя информатора, приславшего ему закрытые материалы – речи Троцкого и Каменева на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).²

Партия категорически не терпела каких-либо тайн от себя. И обычно её аппарату удавалось сломить своих диссидентов, заставив их каяться в заблуждениях. В случае с Семёновым произошла определённая осечка.

Дмитрий Семёнов – типичный молодой коммунист из того партийного меньшинства, которое активно размышляло над происходившими событиями, не всегда выбирая путь по течению. Поссорившись с провинциальной номенклатурной верхушкой на Урале, комсомольский функционер Семёнов оказался фактически отправлен в сибирскую ссылку. Он был человеком очень эмоциональным и общительным, сразу заводил широкий круг знакомств. В отдалённом сибирском округе, где отчаянно не хватало специалистов, жаждущего знаний Семёнова посчитали парнем развитым и вскоре взяли в ОГПУ, не особенно смущаясь прошлым. Или уже был расчёт его использовать для будущей борьбы с оппозиционерами как «перековавшегося» в чекиста?..

Семёнов для себя чётко различал позицию чекиста, обязанного разоблачать всеми способами внутреннего врага, и самоуважение коммуниста, который не может доносить на товарищей-партийцев. Но система советской политической полиции основывалась на всеобщем доноситечестве (культ доноса ввёл, как известно, сам Ленин), поэтому немногие чекисты осмеливались бросать вызов сложившемуся порядку. Семёнов, не успевший должным образом «провариться» в котле ОГПУ, смог отвергнуть партийно-чекистскую практику тотального доноса.

Отторжение неугодного винтика карательной системой хорошо прослеживается в документах контрольных партийных органов. Хотя встречи Семёнова с меньшевиком Юлием Цедербаумом, племянником Мартова, были исключительно «по специальности», их использовали для политической компрометации нашего героя. Молодой заводила Семёнов без труда нашёл общий язык с юным ссыльным. При этом Семёнов был болтлив и склонен героизировать своё и без того богатое прошлое, что было зафиксировано осведомительной сетью окружного отдела ОГПУ.

Семёнов яростно и бескомпромиссно защищал своё право коммуниста иметь собственную точку зрения и на политику партии, и на поведение её вождей. С ним долго возилось руководство окружкома, специально приезжал из Новосибирска видный работник Сибирской краевой контрольной комиссии А. Н. Грецов. Контекст дневниковых записей свидетельствует в пользу того, что в Минусинском окружном отделе ОГПУ у Семёнова имелись единомышленники (возможно, это интуитивное ощущение опального чекиста, подвергнутого остракизму в среде сослуживцев и потому фиксировавшего любые знаки нейтралитета или доброжелательства). Определённый либерализм, немыслимый для 1930-х гг., проглядывает и в политике окротдела ОГПУ: у арестованного Семёнова оставили оружие, обыски проводили спустя рукава, проверку нахождения арестанта в камере не осуществляли.

Наличие потенциальной оппозиционной группы вокруг молодого чекиста, активного коммуниста и популярного комсомольца Семёнова крайне тревожило власти. И методы давления на непокорного товарища по партии, активно к тому же вёдшего разговоры о материальных привилегиях начальства, не отличались щепетильностью – его переписка перлюстрировалась, а для дополнительной компрометации были использованы истории с давно снятым выговором и погибшим ещё в первую русскую революцию отцом – якобы эсером, которого Семёнов просто не помнил. Из зафиксированных автором дневника разговоров с функционерами компартии видна их абсолютная нетерпимость и желание морально раздавить неожиданного диссидента.

Зафиксированная в ряде документов бескомпромиссность молодого партийца не может не внушать уважения. Но последующие месяцы привели Семёнова к мысли о необходимости формально признать свои ошибки и вернуться в ряды ВКП(б). Для таких общественно активных и идеологически фанатичных людей состояние политической смерти, наступавшей после расставания с правящей партией, было невозможным. До конца 1928 г. Семёнов вёл оппозиционную работу, примкнув к группе сторонников «новой оппозиции» во Владимире. В итоге же Семёнов нашёл себе службу, полностью соответствующую убеждениям: он занялся искоренением религии, работая в 1932 г. руководителем Хакасского облсовета Союза воинствующих безбожников, а затем подвизаясь методистом крайсовета Союза в Новосибирске. При этом он полагал совершенно нормальным делом теснейший контакт с органами госбезопасности, чьим филиалом в сущности и выступал пресловутый Союз воинствующих безбожников. Семёнов, будучи с 1929-го беспартийным, был однако целиком включён в советскую систему подавления инакомыслия и осознавал престижность работы в карательных органах, в которых находился столь недолго. Он постоянно встречался с видным специалистом по искоренению церкви чекистом А. И. Юрмазовым, а в 1933 г. мечтал о возвращении в ОГПУ и надеялся по протекции одного из руководителей Сиблага получить там должность уполномоченного. Однако

прежнюю ненависть к Сталину и сталинцам он сохранил, одобрив выстрел Л. Николаева в Кирова.³

Семёнов презирал номенклатуру, говорил, что в Запсибкрайкоме партии «сидят бюрократы, потерявшие всякое человеческое чутьё», отказывался от посещения политзанятий. Он активно впитывал самые разные слухи, касавшиеся высшей партийной верхушки, и охотно распространял их. Работавший в Союзе воинствующих безбожников И. В. Подольский сообщал, что Семёнов в 1933 г. рассказывал ему «о крупном инциденте между т. Сталиным и Ворошиловым, в результате которого т. Ворошилов якобы стрелял в т. Сталина», а в следующем году говорил, «что на т. Сталина подготавливался теракт путём отравления, но теракт не удался и вместо т. Сталина была отравлена (*его жена*) т. Аллилуева». На квартире Семёнов хранил так называемое «Завещание» Ленина.

Убийство Кирова стало сигналом для арестов бывших оппозиционеров. 15 февраля 1935 г. Семёнов на допросе заявил, что хотя и не является сторонником индивидуального террора, но «не одобряя целиком действия лиц, подготовивших и совершивших теракт над т. Кировым, я всё-таки был удовлетворён тем обстоятельством, что одним членом Политбюро, вёдшим большую работу по разгрому троцкистско-зиновьевской оппозиции, стало меньше. В то время я был бы ещё в большей степени удовлетворён, если бы этот выстрел был направлен в тов. Сталина...» В 1935-м новосибирские следователи не рискнули процитировать в обвинительном заключении резкости Семёнова в адрес сталинцев, а привели вырванные из контекста выдержки (в публикуемом тексте дневника они отмечены квадратными скобками), которые своей запальчивостью должны были подтвердить якобы террористические намерения нераскаявшегося троцкиста. Семёнов получил пять лет лагерей, смог уцелеть (возможно, за счёт сотрудничества с НКВД) и прожил долгую жизнь, здравствуя ещё в 1982 г. Его старость прошла в Москве. 21 января 1989 г. Новосибирский обком КПСС восстановил Семёнова в членах партии.⁴

Дневник рисует образ типичного развитого молодого партийца, очень ортодоксального, закалённого участием в гражданской войне и не понаслышке судящего о классовой борьбе. Семёнов страстно ненавидит «кулака» и мещанство, опасается, что самоубийство товарищи расценят как «обывательщину». Его приверженность идеям антисталинской оппозиции демонстративна: живший с Семёновым в общежитии его знакомый сообщал, что тот «не покупал портреты Сталина и Бухарина, а подбирал портреты оппозиционерских вождей... носился с этой оппозицией как курица с цыплятами». ⁵ В дневнике, помимо прочего, интересны мимолётные подробности минусинского быта – автор дневника не рисковал ходить по ночным улицам без нагана и ножика. Все стороны провинциальной жизни (кроме собственно чекистской работы автора) зафиксированы на немногочисленных страницах записок: мы видим и признанного лидера местной «комсы», бессильно отмечающего циничное дирижирование партийцами-чекистами ходом комсомольского собрания; и немного строгого влюблённого; не растерявшегося от наступившей безработицы и гордого поддержкой многочисленных друзей заводилу, человека начитанного, романтического, склонного к любованию природой и философским размышлениям.

Как сторонник «новой оппозиции» он избегает упоминать Троцкого – в дневнике фигурируют Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. К. Крупская, М. М.

Лашевич (мифическое назначение последнего комендантом Соловков – характерный штрих к слухам, сопровождавшим разгон видных оппозиционеров). В дневнике упоминается и известный авантюрист Г. И. Мясников, чьё тогдашнее заключение в томской тюрьме не было секретом для Семёнова⁶ (возможно, об этом он узнал от коллег-чекистов). Слова о передовом вооружённом отряде партии говорит о том, как оценивали себя работники ОГПУ, а фраза о том, что был бы человек, а статья найдётся – достаточно раннее отражение специфического чекистского фольклора. Характерны иллюзии автора о скором выступлении «тёмных» масс, которые сметут «сталинских термидорианцев». Потом Семёнов «признает ошибки» и покается – но только осторожно и сугубо в тактических целях. Его дневник, а также последующие поступки рисуют автора человеком, который не отказывался от своих идей, причём не только в середине 1920-х, но и в гораздо более жестокие 1930-е годы.

¹ Хвалебные стихи о ВЧК с весьма откровенным содержанием часто появлялись в прессе 1920-х гг. Вот, например, фрагмент из «Коммунэре о чекисте Семёнове» Г. Лелевича:

«Всю ночь огни горели в губчека.
Коллегия за полночь заседала.
Семёнова усталая рука
Пятнадцать приговоров подписала.
И вот землёй засыпаны тела...
Семёнов сел в хрипящую машину,
И лишь на лбу высоком залегла
Ещё одна глубокая морщина».

Или красноречивая цитата из юбилейного послания чекистам В. В. Маяковского «Солдаты Дзержинского» (1927 г.):

(...) Крепче держись-ка!

Не съесть врагу.

Солдаты Дзержинского Союз берегут.

Враги вокруг республики рыскают.

(...) Мы стоим с врагом

о скулу скула, и смерть стоит,

ожидает жатвы.

ГПУ – это нашей диктатуры кулак сжатый.

Храни пути и речки,

Кровь и кров,

Бери врага, секретчики,

и крой, КРО.

² ГАНО, ф. п-6, оп. 1, д. 412, л. 67а – 70.

³ Архив УФСБ по НСО, д. п-2265, л. 40.

⁴ Там же, д. п-2265, л. 17, д. п-15206, л. 22, 25.

⁵ ГАНО, ф. п-6, оп. 2, д. 2975, л. 12.

⁶ В 1926 г. чекисты заявили, что раскрыли организованную Г. И. Мясниковым в тюрьме «антипартийную организацию», состоявшую в основном из работников домзака.

С. Секретно

Предательство
или
Партия???

Начато – 25/IX-1926 г. – г. Минусинск

Окончено -

*Дневник «Предательство или партия» был написан мною в 1926 г. и принадлежит мне. Д. Семенов (подпись)
5/1-35 г.*

6 марта 1926 года после 2-х недельной дороги я прибыл по командировке ЦК партии в далёкий захолустный Минусинск. Ничем не отличающийся от сотен других мелких сибирских «центров»: та же грязь (в жизни), сплетни, небольшие домики с геранью в окнах, те же «кумушки», он на меня большого впечатления не произвёл. Я ожидал большего. Первое время устроился на работе в местном отделении «Хлебопродукт», а с 3 апреля окружком перебросил меня в распоряжение окротдела ОГПУ. Работой увлёкся, отдавая ей всё, что у меня было: время, здоровье, соображение. Я был горд. Ещё бы! Ведь партия мне, оппозиционеру, сосланному с Урала в Сибирь «для практического изучения географии, быта, населения и геологических особенностей бывшего места ссылки Ильича», доверила серьёзную ответственную работу, поставив в

ряды бойцов своего передового вооружённого отряда. После поездки в Москву (12 мая – 7 июня), встречи с некоторыми ребятами и разговор с ними о политике ЦК, о съездах (комсомольском и партийном) у меня старые настроения всплыли вновь. Письмо Кольки с указанием действий сталинцев дало толчок к энергичной защите взглядов «оппозиции». Занялся предварительно штудировкой В. И. (*Ленина*), проработал IX, XIV, XV, XVIII тома и пришёл к выводу, что т.т. Зиновьев, Каменев, Н. К. (*Крупская*) и др. правы.

В первых числах августа я встретил некоторых местных партийцев (Г., О., И., Л. и др.), разговорился и пригласил их к себе.

За чашкой чая в тесном товарищеском кругу О. спросил, как я попал в М-ск. Рассказал всё, не скрывая, разговор перешёл на взгляды «оппозиции». Ребята опасались говорить, чувствуя, что среди них сидит чекист, данное мною честное слово партийца о том, что я никому ничего не скажу, разрядило атмосферу недоверия. Начались споры, брались за Ильича – доказывали, а часа через 4 разошлись.

На другой же день это стало известно окружкому. Янайт, вызвав меня, предложил назвать фамилии присутствовавших на «собрании»(?) Я отказался, он пригрозил Нарымом (это один из методов сталинской «демократии», широко применяемой в наше время).

«В борьбе с врагом все средства хороши» – говорит старая пословица.

Не успокоившись, начинают создавать «дело». 10/IX т. Филичкин подал т. Иванову рапорт о том, что якобы я говорил Ю. Цедербаум(у) о своей поездке в Нарым и прощался с ним. Возмущённый такой ложью 11/IX я подал следующее заявление:

«Зам. нач. Минокротдела ОГПУ т. Иванову
Копия Бюро яч. ВКП(б) при окротд. ОГПУ
сотрудника окротд.
Семёнова Дмитрия

Заявление.

Ввиду циркулирующих слухов (в связи с подачей секретарём отдела т. Филичкиным от 10/IX – с/г заявления о моём антикоммунистическом поступке как оппозиционера) о том, что якобы я лично говорил политссылному меку (*меньшевику*) Ю. Цедербаум(у), что меня ссылают в Нарым, ¹ считаю своим долгом заявить следующее:

В первой половине августа с. г. мною от одного из Ленинградских партийцев было получено личное письмо с кратким описанием положения дел «оппозиционеров» и «сталинцев» (как там упоминалось) в Ленинграде. При встрече с некоторыми членами партии, интересующимися этим вопросом и желающими ближе познакомиться с сутью дела (ибо т. т. Зиновьев, Лашевич, Надежда Константиновна (*Крупская*) и др., несмотря на море грязи, выливаемое на них, молчат и не отвечают на нападки в нашей прессе) я предложил им придти ко мне.

В середине августа у меня на квартире группа партийцев в 11 человек (из них 2 товарища из района) читали книгу т. Зиновьева «Ленинизм», некоторые из

старых (предсъездовских) номеров «Ленинградской Правды» и письмо, полученное мною из Л(е)н(ин)гр(ада). На другой день т. Янайт, бывший в то время отв. секретарём окружкома (ВЛКСМ) и членом бюро ОК ВКП(б), вызвал меня к себе и просил сообщить, кто из партийцев у меня собирался. Я отказался, и только лишь в силу того, что это могло повлечь неприятные последствия для вышеуказанных товарищей. Т. Янайт после 10 – 15-минутного разговора дословно сказал следующее: «Отказываешься? Хорошо. Поедешь в Нарым». Ответив, что и там люди живут, и указав – «так нельзя бороться с оппозиционерами» – я удалился.

Через несколько дней в отделе (ОГПУ) ко мне подходит т. Ястржембская (зам. секретаря партячейки) и предлагает сделать доклад «о единстве партии», ссылаясь на постановление бюро. Считая не вправе брать на себя такую серьёзную тему в тот момент, когда я с «оппозицией» согласен, и как партиец, не скрывающий своих взглядов, – я отказался.

После партсобраний (на котором т. Зинуков делал этот доклад) я говорил с т. т. Сенаторовым, Авгулом и Петровым по вышеуказанному вопросу. Больше ни с кем, за исключением т. т., бывших у меня при чтении письма (а, тем более, с политссыльными, являющимися нашими политическими врагами, могущими использовать этот разговор с целью агитации против нас, против партии) я не говорил.

Разговор по этому вопросу среди п/с (политссыльных) быть может, но слухи, по моему мнению, распространяются исключительно с целью подрыва моего авторитета как партийца и чекиста, а для придачи им (слухам) большей «достоверности» говорят: «Мне это лично говорил Семёнов».

Дабы положить конец этим ненормальностям, я категорически настаиваю на быстрейшем выяснении этого вопроса и требую немедленного принятия мер в целях ограждения от того недоверия и косых взглядов, которые меня окружают в среде наших сотрудников».

Оно осталось без последствий. Обстановка стала невыносима. Друзья отшатнулись (опасно иметь дело с таким «типом»), недоверие росло.

23/IX меня вызвали в К.К. (ВКП/б/) Разговор с т. Лагздиным длился 4 ½ часа. Он меня убеждал отказаться от моих взглядов, предлагал выдать товарищей, осознать свою ошибку (какую?) и стать честным партийцем (а разве я бесчестный?)²

24-го (сентября) такая же, но менее продолжительная (двухчасовая) «история». Боялся, что я созову собрание. В тот же день я написал следующее:

«Зам. нач. Минокротдела ОГПУ т. Иванову
сотрудника
Семёнова Дмитрия

Рапорт.

Недоверие со стороны сослуживцев, резкие выпады против меня как партийца и чекиста, заявление т. Константинова Н. о том, что «...мы совершили крупнейшую ошибку, приняв тебя на работу в отдел...» (это мнение разделяется почти всеми отделцами), его оскорбления, брошенные мне в присутствии Вас и секретаря Отдела т. Филичкина («провокатор ленинских идей» и т. д.) заставляют меня подать настоящий рапорт.

Реабилитировать себя в глазах сотрудников, не чувствуя за собой никакой вины, считаю излишним.

Я, как член Ленинской партии, не должен скрывать своих убеждений и взглядов на вещи (я их не скрывал и не скрываю). Продумав основные моменты дискуссии по вопросам политики нашей партии, я пока ещё не смог, на основании материалов ЦК, изменить метода своего мышления. Может быть, я ошибаюсь, но нет и не было достаточного количества данных, которые разбили бы мою точку зрения.

Каждый ленинец, каждый честный большевик, должен тщательно продумать свои поступки, учтя последствия, могущие возникнуть вследствие его действий. Я взвесил всё и пришёл к выводу, что с точки зрения ленинца я прав и поступаю честно.

Ввиду того, что положение, созданное в отделе в связи с моим «оппозиционным», «антиленинским» настроением, не изменится, в этом я больше чем уверен, атмосферу не разрядить – она чересчур сгустилась, выпады и недоверие ко мне не изживутся, а могут принять более резкую форму (всё это, безусловно, отражается на продуктивности работы, ибо в существующей обстановке работать нельзя – невольно впадаешь в пессимизм, находит апатия) я считаю, что «ошибку, допущенную отделом» (по словам т. Константинова) надо исправить, а посему прошу Вашего распоряжения о снятии меня с работы в отделе и направления в распоряжение ОК ВКП(б).

Это заявление согласовано, как и вопрос о моём снятии с работы, с председателем окрКК т. Лагздиным и он не возражал.

24/IX – 26 г.
г. Минусинск».

(подпись)

Какой будет ответ?

25/IX Сегодня с утра до 3 ½ ч. дня торчал в окружке и КК. Т. Лагздин опять старался доказать, что я не прав, указывая на необходимость выдачи товарищей. Т. т. (М. М.) Ноздрин и Прелов, к которым я пошёл позднее, тоже не отставали. Я был возмущён тем подходом, который они применяли. Вот черновик разговора:

Н(оздрин) – ...Или с нами, или против нас. Или за партию, или за группу. Что для тебя дороже – честное слово (вернее, фракционное слово) или интересы партии?

Я – Для меня дорого и то, и другое.

Н. – Ты за единство партии или против?

Я – Безусловно, за стальное единство Ленинской партии и за чистоту учения Ильича.

Н. – Как ты смотришь: к чему может привести политика партии?

Я – Это ясно. Во-первых, ввиду того, что партия из Ленинской начинает превращаться в Сталинскую, а следовательно, проводить линию последнего, Ленинская прямая линия начинает превращаться в зигзагообразную. Толка от такой политики не будет, она пагубна для дела Революции. Не видеть врага, затушёвывать вопросы, комкать учение Вождя – преступление перед массами, доверяющими нам, а, во-вторых...

П(релов) – Имеешь ли ты «завещание Ленина»?

Я – К сожалению, нет. Но постараюсь достать. Кстати, попутно вопрос: почему XIII съезд запретил его печатать и положил в секретный архив ЦК?

Н(*оздрин*) – Так было надо.

Я – Для кого и для чего?

Н. – Для партии.

Я – А именно?

Н. – Оставим этот разговор. Говори прямо – назовёшь группу или нет?

Я – Нет.

Н. – Это твоё последнее слово?

Я – Да.

Н. – Советую подумать до понедельника. Ведь вопрос идёт о твоём пребывании в партии.

Я – Я взвесил и обдумал всё. Последствий не боюсь. Делайте что хотите. Решения не изменю.

Н. – Так, хорошо, зайди в понедельник в 9.

Я – Зачем?

Н. – Без разговоров. Можешь идти.

Я – С конвоем или без?

Н. – Шутки в сторону. Я говорю не как партиец, а как секретарь О(*кружного*) К(*омитета*).

Я – Коль так – то точка.

Н. – Подумай. Предупреждаю о серьёзных (*так!* – *А. Т.*) последствиях.

Я – Я не глухой, так что повторяться не стоит.

Я вышел. Хлопнула дверь. Кто-то прошёл мимо. В «общем», часы пробили 3 ½. Злоба, обида душили, заливали сердце, оно сжималось... Голова трещит... Пошёл домой.

Мозг волнами электрического тока мысли сменяет одну за другой... Тяжело. Как быть? Продать убеждения, выдать товарищей, стать предателем... и взамен этого получить возможность спокойно существовать и остаться в партии – или действовать так, как мыслишь, скрыть имена присутствовавших у меня и остаться вне партии? Или – или. Середины нет!

Неужели партии нужно моё предательство? Неужели ленинец, большевик, коммунар должен быть предателем?

Нет. Нет. И тысячу раз нет!

Лучше лишусь партии, хотя это для меня равносильно политической смерти, но останусь честным. Пусть мои друзья не будут иметь возможности упрекать меня. Пусть в их глазах я останусь честным стойким революционером.

26/IX. Сегодня воскресенье, а мне с утра идти на работу. Отдел переезжает в дом профсоюзов.

Погрузка вещей на подводы, перетаскивание их в новое помещение, установка... Незаметно прошло время. В 2 ½ ч. – ушёл. Вернулся возмущённым.

Гриневич мне вручил письмо от М(*ихайлова*) из Ленинграда. Оно оказалось вскрытым и заклеенным вновь. Это меня взорвало. Проверять идущую на моё имя корреспонденцию, стараясь найти в ней что-то порочащее – подлость. Почему такое недоверие, с одной стороны, а с другой – работа в отделе (*ОГПУ*)? Не вяжется. После этого случая для меня стало понятным, почему я не получил 2-х писем с «посылками» от Г. из Л(*енинграда*). Они попали в руки

К.(онтральной) К.(омиссии) Чёрт с ними, получу, если нужно, ещё. Но как? Надо изыскать способ. Подумаю.

30/IX – 26 г. Все дни таскали в КК и окружном. Ничего не добились. Хотели взять на удочку, но ведь я держу ухо востро и на неё не попался – ребят не выдал. Наконец-то получил ответ на рапорт. Сегодня на работе часов около 12 ко мне подходит Филичкин и читает приказ:

(почти дословно)

«Сотрудника окротдела Семёнова Дмитрия за манкирование службой (???) и оставление открытым своего кабинета подвергнуть аресту на 10 суток с исполнением служебных обязанностей. По окончании ареста направить в распоряжение ОК (ВКП/б/»).

Смешно! Неужели нельзя ставить прямо вопроса? Неужели нельзя сказать: «Может быть, арест сломит»?

«Манкирование»? В чём оно выразилось? Только в том, что меня в КК и окружном держали целыми днями (Иванову об этом было известно) и в силу этого я приходил на работу вечерами? Ведь не ходить по вызову Лагздина и Ноздрина я не мог! Как же я должен был действовать?

«Оставление открытыми дверей кабинета»? Ложь чистой марки! Подлость!

Я знаю порядки нашего органа и даже если уходил в соседнюю комнату – запираю дверь. Потом, неужели за это полагается десятисуточный арест, а не 3 наряда?

Я знаю истинную подоплёку ареста. Меня арестовали за то, что не умею пресмыкаться, лизать пятки и скрывать взгляды на вещи. Сталинцы на местах, партийные бюрократы, выработали ещё один способ «идейной» борьбы – каменный мешок! Трусы! Люди, держащиеся за свои места! Стремящиеся к улучшению своего благополучия, где ваша идейность? Вы надеетесь, что стены камеры сломят наше упорство? Заблуждаетесь! Они крепят в нас силу для новой борьбы! Увеличивают уверенность в правоте начатого дела!

10 суток! Что ж, посидим, будем читать, писать, работать над собой.

Хорошо, что есть бумага, перо, чернила и свет. Что же ещё нужно? Правда, холодное помещение не располагает к письменному изложению своих мыслей, но как убить время? Может быть, отберут письменные принадлежности; тогда при всём желании написать хоть слово – не сможешь, пока использую возможность ведения дневника, а там хоть трава не расти. Случайно разговорился сегодня с П(етровым?) и С(енаторовым?), оказались единомышленниками. Нашего полку прибывает. Жаль, что уехать придётся, а то бы развернули работу. Ну ничего. Поеду вернее всего в М-ск, там тоже «спать» не буду. Встречу Т.(ихальскую?), устроюсь на завод и, если она захочет, заживём вместе. Но... да что там. Приеду, встречусь, поговорю, узнаю.

Сейчас 10 вечера. Мерцает лампочка, холодновато, тишина. Люди спят. И один я сижу, как зверь в клетке и бодрствую. Вот дверь... Только 1 ½ вершка отделяют меня от воли, а уйти не могу. Как ещё слаб человек! Не может преодолеть полторавершковую полудеревянную, полужелезную преграду. Стыдно! Силы мало! [Эх, расправить бы плечи, сжать кулаки, двинуть, надавить и...] что за пустые мечтанья.

2/X Риск я люблю. Вчерашний вечер, осматривая свою камеру, заметил, что под досками, наваленными в беспорядке в углу, имеется какое-то углубление. Осторожно раздвинув их, установил подкоп. Вспомнил, что в этом подвале раньше был склад и через подкоп провели его «очистку». Яму засыпали. От нечего делать стал рыть – поддаётся. Через 2 ½ – 3 часа работы добрался до

воли.. На улице никого, поверка в 4 утра. Пошёл прогуляться. Встретил Т., он шёл в маскарад. Чёрт возьми! Эврика! Есть! Идея! Зашёл к нему. Взял костюм Пьеро и поперлись. Весело провёл время – в 3 (часа) обратно. Осторожно влез. Вход зарывать не стал – прикрыл досками, за «выход» не боюсь, т. к. он в тёмном углу разрушенного колчаковцами дома. Решил каждый день выходить освежаться.

Сейчас только что вернулся в своё «зало» и засел писать. Чернил нет (куда-то исчезли ещё вчера днём). Добыл карандаш, буду им царапать.

Сегодня произошёл интересный инцидент. По положению у арестованных отбирают все острые предметы и оружие. Мне предложили сдать наган и перочинный нож; ответив «вещи мои, мне вы их не давали и поэтому не возьмёте» – отказался выполнить приказ (иначе как ходить ночью?) После толков, судов и разговоров – плюнув, ушли. Я хохотал! И, пожалуй, первый раз в жизни так заразительно, что «брашка» (братия?) тоже не могла удержаться.

Написал письма А., Т.(ихальской?) и матери, последней об аресте ни звука. Пишу, что, пожалуй, ненадолго заеду через месяц, и только.

Всё время думал о Т.(ихальской?). Как-то там живётся «евойной» милости? Почему не пишет?

3/X Встал в 8 ½. Выспался основательно, хотя было холодно. В 10 принесли передачу. Встретиться ни с кем не пришлось. Кто приходил? Ломаю голову. Ребят знакомых до чёрта, кто вспомнил? Откуда узнали? Неужели мой арест известен в Минусинске? Если так, то ребята примут соответствующие меры в целях законспирации себя, ибо (в) ок.(ротделе ОГПУ?) уже зашевелилось (после моей изоляции) с целью выявления «неблагонадёжных». Я уверен, что по списку, составленному ими, будут вызывать и говорить: «Сознался Семёнов, всё рассказал». Они способны на всё! Надо написать записку Ч. и передать ночью. Обязательно сегодня же! Во что бы то ни стало! Сегодня дежурит Гр-ч (Гриневич?), парень хороший. Отпросился на 2 часа. Отпустил. Ребята все предупреждены. Воспрянули духом. О передаче не знают. Странно.

?/X Все дни прятал дневник, т. к. предполагался обыск. Произошёл он вчера в 11 ½ ночи. Явились Мухачёв, Филичкин и дежуривший Думин. Искали и... ни с чем ушли. После их ухода прошёл «прогуляться». В 2 ч. лёг спать.

Сейчас 8 ч. вечера «по-минусински», а в далёкой Москве только половина четвертого. Здесь тишина, темь, обыватели на покое, там – кипящие, бурлящие, играющиеся толпы людей, спящих, торопящихся. Звуки рожков авто, шум трамвая, звон телефонов... Как бы я хотел послушать эту симфонию, но 5.500 вёрст отделяют меня от неё. Через час Танька будет дома. Вечером пойдёт на курсы, или в клуб, или в кино, а я сижу... Стены давят! Воздуху! Свободы! Жизни со всеми её курьёзами и ляпсусами! Откройте двери! К чёрту засов! Душно. Голова трещит... сердце усиленно бьётся... Шагаю по камере. Успокоиться не могу. Сегодня было 4 раза головокружение. Неважно, сил пока ещё хватит.

Сейчас 8. «Отсидки» – 13. Ничего, если высидел 17000 минут, остальное высижу. Всего мне дали 240 часов. 1.104.000 секунд пройдут бесцельно, а сколько бы пользы, за вычетом времени, уходящего для сна, я мог принести.

Сквозь решётку наблюдаю за звёздным небом. Оно сегодня необыкновенно красиво. По синему атласу кто-то разбросал мириады зёрен золотой чечевицы. Из гигантской невидимой трубки вылетают клубы дыма, заслоняющие временами блестящий стручок (луны). Скрывающийся великан, набрав воздуха,

дует на землю, заставляя шептаться деревья. Кто-то метнул вверх блестящий камень, он пролетел, как мысль, оставив на миг светящуюся черту... Протока бурлит, волнуется, рвётся на простор, её, как и меня, удерживают стены... Спешит выйти на волю, обняться с Енисеем и, успокоившись его лаской, держать один курс.

Скучно! Дни тянутся долго. Скорей бы на волю. Надоело сидеть. Дни до невозможности похожи один на другой. Сегодня – как завтра, а завтра – как вчера.

18/X-26 г. С 10.10 (10 октября) свободен. Невозможно передать, что со мной творилось. Стремился всех обойти, со всеми поделиться моей радостью. 12.10 (12 октября) – по предложению Лагздина написал объяснительную записку в К.К. в очень резком тоне, но, к несчастью, что я думаю, то и пишу, не стесняясь резкостей³, а с пятнадцатого (октября) меня «ушли» с работы, направив в распоряжение ОК (хотя ещё до сегодня безвозмездно работал, т. к. надо было помочь Кольке).

В конце занятий ко мне подошёл Филичкин, сообщив, что сегодня закрытое партсобрание, где будет разбираться вопрос о моём пребывании в партии. До шести осталось 15 минут, надо идти. Может быть, вернусь «бывшим»? Что ж делать? Ведь надо привыкать падать с высоты в бездну!

В 6 ч. 15 минут началось собрание, а в 8 ч. 54 минуты я стал беспартийным.

На собрании, как это было ни странно, присутствовали окружкомцы, вернее всего, боялись, что дело может принять невыгодный для них оборот.

В 7 ч. 12 минут началась разборка моих «нетактичных» поступков. Филичкин оперировал какой-то «справкой» из ОК, указывающей, что у меня в личном партделе имеется выговор. (Сволочи! Неужели нельзя было не делать подлога, а когда я говорил, что это неправда, меня прерывали возгласами «не ври...», «у нас документ...», «нечего пыль в глаза пускать...» и т. п. Договорились до того, что я якобы имею связь с меками (!), кражу денег (у меня) в Красноярске превратили в растрату (мерзавцы), заикнулись о расконспирации работы (в чём она выразилась, так и не сказали, в этих обвинениях виновным себя не признаю, да было бы глупо говорить о расконспирации, раз её не было) и Мехедов дал заключительный аккорд – «Семёнов писал заявление Сорокиной о выходе из КСМ, он мне сам это говорил» (!?) Ложь! Ложь! и ложь на каждом шагу.

Оправдаться не дали. Приговор был заранее готов.⁴

Я знаю, что на основании подлога меня могут арестовать, посадить, а, может быть, и к стенке (ведь был бы человек, статья-то найдётся!)

Пришёл домой... Хотел писать открытое письмо... и... пустить пулю в лоб, но вовремя хватился. Ведь оправдать себя я и так не могу? Пуля возьмёт жизнь! Могут счесть за обывательщину! Не лучше ли борьба? Я выбрал последнее. К чёрту наган, нечего тратить пули, они ещё пригодятся! Ведь жизнь и (борьба – *зачёркнуто*) работа (ещё – *зачёркнуто*) впереди!

20/X Вызывали «фаба грешного» в КК. Приехали из Сиб'а (Новосибирска). Говорят, что для разборки моего дела. Эх! Нужно ли было тратить такую уйму денег (командировочные, суточные, оплата билета в два конца)? Не лучше ли было вызвать меня в КрайКК, дешевле вышло бы?

Грецов и Лагздин применяли приевшийся метод, стараясь выявить, кто у меня был. Сообщить наотрез отказался. Просил дать копию справки в ячейку о

«выговоре» – открутились, ссылаясь на ошибку. Хороша ошибка! Где же были ваши глаза, «многоуважаемые» т. т., когда вы просматривали личное дело? С сегодняшнего дня стал загонять вещи. Скоро (если не посадят) поеду в Москву.

21/X Продажа вещей идёт туго. В наличии 22 рубля, на них далеко не уедешь. Надо будет искать работу (хотя здесь безработных масса) и скопить денег на дорогу.

Сегодня в 6 (часов) комсомольское собрание, вернее всего, будет разбираться мой вопрос. Что ж? Пусть «решают». Посмотрим, как эта братия заговорит в будущем, когда всплывёт вся грязь, все подлоги, на которых построено моё обвинение.

С 2-х до 5½ был в последний раз в Мартьяновском музее (*общезитии*), откуда пошёл в отдел.

Комсы собралось ещё мало. Ребятам откуда-то известно моё исключение. Встречаю массу сочувствующих взглядов.

6 ч. 15 м. Собрание открыто. Рогожин предлагает избрать председателя. Единогласно проходит моя кандидатура, несмотря на моё заявление об отказе «в связи с целым рядом причин». «Знаем, знаем, председательствуй... – кричат КСМ (*комсомольцы*), – ты ещё член Союза».

Веду собрание. Чувствую, что не в своей тарелке. Отчётный доклад бюро закончен. К(*онстантинов*) вносит предложение о пятиминутном перерыве, «необходимом для обсуждения кандидатур, намеченных в состав бюро». Возражаю. Большинством одного голоса (18 «за», 17 «против» при 11 воздержавшихся) проходит предложение Константинова, удалившегося вместе с Мехедовым, Филичкиным и Кузьминым в отдельную комнату. Перерыв окончен. Константинов берёт слово для внеочередного заявления и сообщает членам ячейки «новость» о моём исключении из рядов партии, предлагая меня переизбрать. Комса протестует. Слышны возгласы: «...Он ещё комсомолец... сами избирали... знаем, что исключён... Семёнову доверяем... пусть председательствует...»

Ставлю вопрос на голосование, подавляющим большинством предложение «дяди Коли» с треском проваливается. Мехедов не унимается, истерически кричит: «Что? Против партии идёте... сказано, переизбрать – и кончено... все поднимай руки...» (дословно).

Комсомолия напугана. Часть орёт о том, что «нечего затягивать собрание... вопрос решён...» Филичкин (не имея на то ровно никакого права) ставит вопрос на переголосование. Результат – 8 за переизбрание, 6 – против, 32 – воздержалось. Потирая руки, довольный «шпиндель» просит наметить новых кандидатов. Константинов, выдвинув Филичкина, предлагает закрыть список. Он «прошёл» (12 «за», остальные воздержались).

Нарушив самые основные принципы союзной демократии, протащили, в полном смысле этого слова, несмотря на возражения многих ребят, список, намеченный бюро.

После сообщения о том, что скоро будет на КСМ собрании вопрос о Семёнове, собрание закрыто. Ребята, окружив меня, расспрашивают о исключении, о перспективах. Филичкин предложил всем разойтись (дипломатично).

22/X-26 г. Сегодня меня предупредили повесткой о назначенном на завтра разборе моего дела. Невольно родилась мысль – стоит ли идти? Ведь решение есть. Я знаю, что меня исключат? Думаю всё-таки сходить на

инсценировку суда. Интересно, как члены КК будут вести свои роли, выдержат ли их до конца.

Меня исключат! Что ж, одним меньше, одним больше – не всё ли равно. Ведь «рождённый ползать летать не может». Если они не могут выносить моих справедливых резкостей, если они прячутся за тихим спокойным стадом партийных овечек, то ясно, что один «непокорный» может расстроить их личное благополучие. Вспомнилась картина Годлера ⁵.

«...Груда спящих тел, кругом тьма, молния огненными стрелами прорезает небо, всюду сверкают голодные взгляды диких зверей... но один проснулся... он гордо стоит среди спящих товарищей, сверля темноту...»

Масса, тёмная рабоче-крестьянская масса, когда же проснётся? Но долго ли будет длиться её сон?.. Скоро ли произойдёт пробуждение от тяжёлого кошмара?..

Сталинцы своими действиями сами взбудоражат трудовое море и тогда им несдобровать.

23/X-26 г. С десяти в КК, в 12 приговор – исключить! ⁶ Вышел совершенно спокойным... К этому я был готов. Взгляды на вещи после заседания во мне не изменились, наоборот, я убедился, что прав.

Сегодня т. Дорофеев сказал, что безработным по ж. д. – льготный проезд с 50% скидкой со стоимости билета. Надо будет в понедельник зайти к Афанасьеву и взять отношение о безработице. Если получу его и т. Ануфриев выполнит своё обещание о покупке на 1½ червонца книг, то я могу сказать, что «наши акции поднимаются».

Вечером ходил в клуб. Говорил кой с кем из ребят. В 10 дома читал Каутского «Путь к власти». Ещё не всю проработал, написана хорошо, но со многими положениями, выдвигаемыми им, согласиться, безусловно, нельзя.

24/X-26 г. Келлерман ⁷ устами одного из своих героев сказал: «...Надо уметь смеяться до безумия и плакать до отчаяния, но не отчаиваться и не становиться безумным...» Я не умею плакать – слёз нет, т. к. все уже израсходовал в детстве, но состояние, похожее на отчаяние, мною сегодня овладело. Получил письмо от М(ихайлова?) из Л(енинграда). Пишет о новом походе на оппозиционеров. Сталинская реакция распоясалась вовсю. Пачками гонят в глушь. Лашевич – комендантом Соловецкого лагеря, Мясников – в Томской тюрьме и т. д. [Чаша переполняется, ещё капля – и гнев массы выльется в открытое выступление против термидорианских главковерхов со Сталиным во главе.] Хочешь работать – нет поддержки. После исключения, формально оформленного постановлением ОкрКК, от меня отшатнулись почти все. Есть маленькая, ничего не значащая, неорганизованная группа ни на что не способных. Как быть? Неужели наше дело идёт насмарку? Неужели мозги массы, напичканные цекистской ерундой, будут долго ещё пребывать в тумане?

Неужели наконец ревизоры Ленинизма из Ц.К. сумеют придать учению Ильича необходимую им окраску?

Если сердца тысяч людей бьются в унисон, разве, слившись в одно, они (люди, владеющие этими честными сердцами) не могут совершить великое дело? Могут и обязаны. Наш долг – биться до конца, несмотря на все трудности борьбы! Наша обязанность – доказать, кто прав – и мы докажем!

24/X. Сегодня общегородское закрытое партсобрание в Госкино. Решил не ходить. Может быть, я поступаю неверно, делая такой шаг? Но как же быть? [Слушать приевшуюся болтовню сталинских подголосков надоело до невозможности! Выслушивать «комплименты» насчёт оппозиционеров,

пересыпанные матом, опостылело! Затушив на время огонь злости, очень часто пылающий внутри меня, разговаривая со своими бывшими товарищами по мысли и работе, строить весёлое лицо, когда внутри всё горит, рвётся наружу, я не могу! Как быть?]

Утром ходил к Афанасьеву, не застал. Забежал в отдел (ОГПУ) и говорил с т. Ивановым. Парень был очень любезен (может быть, это притворство с целью причинения большей боли при ударе?), согласился даже дать разрешение на мой фронтовой наган. Завтра зайду. Отъезд просил отложить до воскресенья, т. к. раньше выяснить вопроса обо мне не могут.

В 4 ч. получил телеграмму Щепкова из Кызыла. Пишет, что трубку и пр. выслал с Исламовым.

Хорошо бы он успел приехать до моего отъезда, если только он состоится.

В 9 ч. ходил к Т., вернулся от него возмущённым. К. передала, что Грецов на задаваемые ему вопросы обо мне говорил: «Семёнов – бывший анархист... Его отец с-р, это факт и т. д...»

Какая пошлость! Неужели и члены СибКК строят свои действия на лжи? Разве можно мне ставить в вину то, что 14-летним ребёнком я был в ассоциации (анархистов)? Что я тогда понимал? И разве моя последующая работа в Союзе (комсомоле) и партии не доказала, что я честный партиец? Разве я не заслужил (по смыслу: «искупил») свою «вину» на фронте?

«Отец с-р!» Дальше этой лжи ехать некуда. Правда, я не знаю, к какой политической группировке принадлежит он, ибо мне (к моменту смерти отца) было только 1½ года. И потом, разве рабочий, вращающийся в кругу таких же рабов фабрики, как и он сам – мог быть эс-эром? Если даже допустить на миг мысль, что мог, то разве дети отвечают за дела своих родителей?

Завтра иду в КК для объяснений.

26/X-26 г. Объяснялся (по вопросу о эс-эрстве отца) с Грецовым. Говорит, что он якобы не заявлял определённо, а только делал предположение, т. к. «в то время Прохоровка была цитаделью эс-эровщины». Это с одной стороны, с другой, указав на мою прежнюю принадлежность к ассоциации, тем самым давал мне характеристику (!!?)

Предлагал, если мне дорога партия, выдать ребят в СибКК («останешься в партии»). («С пятном предателя!») – чуть не вырвалось у меня.)

Вечером заходили Г., Т. и Н. Благодарили за то, что скрыл имена ребят. Обещали помочь деньгами на дорогу.

27/X Сегодня был Над.(ольский) почему-то у меня. К этому парню недоверие, которое не стараюсь выказывать? Может быть, это объясняется тем, что парень любит порисоваться, прихвастнуть, выдвинуть себя на первый план, стусевав остальных? Возможно.

Он мне принёс свои стихотворения. Читая их, он упивался детским восторгом, время от времени, прерывая чтение, восклицал: «...Что? Здорово? Мы и почище (1 слово нрзб) накатаем». Переписывая часть из них в тетрадку, просил, «если кто будет спрашивать, чьи стихи, скажи, мои и укажи адрес, ведь он тебе известен».

Услышав это, невольно вспомнил гоголевских Добчинского и Бобчинского, просящих Хлестакова: «...Э-м-м-м... будете в Петербурге, обязательно скажите, что в таком-то городе проживает Пётр Иванович Добчинский...» «И Пётр Иванович Бобчинский...» – с расплывающейся до ушей улыбкой просит Пётр Ив. №2».

Приложение 1.

Песня о ВЧК

В тиши ночной среди Лубянки
Через туман издалека
Кровавым светом блещут склянки,
Алеют буквы «ВЧК».

В них сила сдавленного гнева,
В них мощь озлобленной души,
В них жуть свирепого напева:
«В борьбе все средства хороши».

Чарует взор немая сила,
Что льют три алых огонька,
Что массы в битве вдохновила,
Чем власть советская крепка.

К чему сомненье и тревога,
Зачем унынье и тоска,
Когда горит спокойно, строго
Кровавый вензель «ВЧК».

В. Надольский (*не позднее 1926 г.*)

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206 по обвинению Д. Н. Семёнова, пакет (рукописный текст чернилами в стандартной ученической тетради, л. 1-36).

Приложение 2.

21/1-28 г.

Сегодня четырёхлетие со дня смерти Ильича. Сегодня СССР опять надел креп, облёкся в траур.

Четыре года! Только четыре! А как будто бы это было вчера, помнишь отчётливо каждую мелочь 7 дней. Четыре года! Так мало прожито, так много пережито за этот короткий промежуток времени.

За окном, как и тогда, плачут гудки... Сколько скорби, слёз и боли в этой грустной симфонии.

Ленин умер...

Нет Ильичааа...

Дело живёт...

Живёт ли? Семья, брошенное им, затоптано, ростки его дела, его мыслей стремятся сорвать. Вместо Ленинского красного мака вырастают сталинские розоватые «цветы» шиповника. Плохо приходится тому, кто вспомнит о маке,

вспоенном кровью трудящихся, растущим на их костях, пропитанным кровью лучших из лучших.

Славный герб хозяев мира – серп и молот – на деле заменён тюремной решёткой. Политиканствующие ревизоры ленинизма придали учению Вождя Вождей нужную им окраску.

Тюрьмой и ссылкой борются они с теми, кто стоит на их пути.

Нет Ильичааа... - надрываются железные глотки паровозов.

Жив сталиниизм... - вторит им звонкий тенор кирпичного (*завода*).

22/1-28.

«Чем огромнее слон, тем сильнее претензии мосек на храбрость» (Белинский).

Да, гениальный критик прав! Огромнейшая, сметающая всё на своём пути лавина оппозиционных настроений (пока ещё полускрытых, ибо масса забита, запугана поднимающим голову термидором) заставляет кой каких «мосек» принимать вид «храбрецов», несмотря на сжимающие сердце спазмы, кричать о «троцкизме», «меньшевизме» и прочей ерунде.

«Люди, идущие на раскол, больше всего кричат об объединении» (Энгельс).

1/1-1929 г.

Сегодня новый год. 1929-й! Но, в сущности, изменилась только последняя цифра – вместо восьми – девять, а остальное? Остальное по-старому. Но долго ли так будет продолжаться?

С чем мы пришли к 1/1? С курсом влево, с огнём по кулаку, с самокритикой и пр., и пр.

Запоздалый манёвр. Надо было это делать 3 года тому назад!

Нас обвиняли во всех семи смертных грехах человечества, на нас лили грязь, нами чуть ли не пугали детей, над нами смеялись, на нас плевали, нас называли контрреволюционерами, наши предложения – меньшевистскими...

Прошедший год целиком и полностью подтвердил нашу правоту. Термидорианские элементы подняли голову, кулак распоясался. Волей-неволей пришлось изменить курс. «Лучше поздно, чем никогда», – говорят некоторые люди, но, по-моему, «лучше вовремя, чем поздно». Ибо когда поздно, тогда вряд ли предпринятые с опозданием шаги приводят к желанному результату. Капитулянты пристроились, а Вожди? В глуши, в ссылке, оторванные от кипучей работы, но «звёзды погасли уж давно, но всё ещё блестят для толпы», состоящей из людей, у которых ничего нет, кроме пары рук. Масса увидела, кто был прав, и имена Л.(енина?), С.(тали́на?) и др. не сходят с её уст.

А И. С.(тали́н)? Приспосабливается, строит «политику» (вправо, влево – как маятник).

Наверное, Чехов намекнул на ему подобных, когда говорил: «самолюбие и самомнение у нас европейские, а поступки и развитие азиатские»⁸, «тебе поверят, хоть лги, только говори с авторитетом». Что нам даст двадцать девятый?

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206, пакет (рукопись).

Приложение 3.

Выписка. -

15/VIII – 1926 г.

В частной беседе с барышнями некий Семёнов Дмитрий, служащий в ГПУ, рассказывает, что он был в Англии по командировке из Центра в политических целях и ввиду его полезной деятельности в 1924 году теперь командирован для подпольных работ в Болгарию. Хотя эта работа ответственная и опасная, но зато доходная!!!

Верно:
Вр. Нач. Окротдела
(Иванов). *Подпись*
20 сентября 1926 года.

Выписка. -

9/IX – 1926 г.

В конце августа м-ца с/г. при встрече с политссыльной Кемпер Розой на улице она мне сообщила новость о том, что как будто бы Семёнов ей сказал, что он встал в оппозицию, за что его будут высылать из Минусинска, при этом заявила, что Семёнов очень развит и прав в этом.

Сегодня, т. е. 9-го сентября пришёл ко мне политссыльный Рабинович Самуил Исакович, последний на мой вопрос, какие имеются новости, ответил, что Семёнов встал за оппозицию, об этом ходят разговоры. -

Верно:
Сведения проверены дважды и
подтвердились. -
Вр. Нач. Окротдела *Подпись*
(Иванов).

ГАНУ, ф. п-6, оп. 2, д. 2975, л. 48 (машинописные копии).

Приложение 4.

**В Сибирскую Краевую Контрольную Комиссию
б. члена ВКП(б) Минусинской горорганизации
п/б №690512
Семёнова**

Объяснение.

С момента исключения меня из рядов партии я многое обдумал, взвесил и пришёл к определённым выводам, что я был не прав. В силу этого, несмотря на имеющееся сомнение по вопросам о кулаке, демократии и бюрократизме, я, как честный партиец, решил без уловок и дипломатических приёмов, недоговоренности и двусмысленности всё сказать КрайКК.

В начале мая 1926 г. я находился в командировке в г. Москве (по линии ОГПУ) и встретил там бывшего рабочего, исключённого из ВКП(б) за оппозиционную работу, т. Михайлова Петра. Переговорив с ним, я был возмущён (увидя одну сторону медали) теми приёмами, которые применяло ЦК к своим идейным противникам. Решил об этом поговорить в Минусинске с товарищами, сочувствовавшими оппозиции. В начале августа п/г. у меня на квартире собрались т. т. Колачев Андрей, Тихальская Наталья (в настоящий момент оба в г. Киеве), Беляев, Артемьев, Сорокина Марфа, Илюхин и другие четыре товарища, фамилии которых не знаю (всех я пригласил не для собрания, а для товарищеской вечерки по поводу вступления мною в совместную жизнь с Тихальской). За чаем зашёл разговор о том, за что я попал в Минусинск, я рассказал. Разговор перешёл на взгляды оппозиции, стали читать отрывки из книг «Ленинизм», «Философия эпохи» и некоторые предсъездовские №№ «Ленинградской Правды», после чего разошлись. Оформления этой группы собравшихся во фракцию не происходило. Я думал это сделать после выявления истинного лица присутствовавших.

В этот же раз читали письма, полученные мною от Александра Буш(а) (в Ленинграде) и Киселёва (имя не знаю, там же, сейчас куда-то переброшен), где они писали о работе оппозиции.

Разлагающей работы среди КСМ я не вёл, точно так же отрицаю якобы бывший разговор с (И.) Китайкиной⁹. С ней, мешанкой до мозга костей, говорить на такие темы я и не собирался.

В своей объяснительной записке в Мин.(усинскую) ОкрКК я был очень резок, но это было вызвано моим арестом.

Признавая за собой целый ряд ошибок, прошу КрайКК восстановить меня в правах члена Ленинской партии, тем самым дав мне возможность исправить свою вину.¹⁰

24/III – 27 г.

Семёнов

ГАНУ, ф. п-б, оп. 2, д. 2975, л. 10 (рукопись).

Приложение 5.

Из заявления арестованного Д. Н. Семёнова начальнику СПО УГБ УНКВД по Запсибкраю С. П. Попову от 2 февраля 1935 г.

«... (После убийства Кирова) во мне боролись 2 противоречивых чувства: с одной стороны, осуждение убийц (я никогда не был сторонником индивидуального террора), с другой – некоторое удовлетворение тем, что «одним сталинцем стало меньше». Вечером 2 или 3 января я, взяв имевшийся к меня оппозиционный материал (завешание Ленина и дневник «Предательство или партия») пошёл в НКВД. Я дошёл уже до комендатуры, (но) раздумав, вернулся обратно. Я хотел сказать, что я враг, враг-одиночка, но мысль о том, что «я иду на поклон к сталинцам, зажавшим в крепкий кулак внутривластьный режим» – удержала меня от этого шага и я ушёл домой. Там был припадок – результат чрезмерной напряжённости нервов. (...) (В тюрьме) продумав каждую фразу, каждую мысль (сталинских) «Вопросов ленинизма», я пришёл к выводу о том, что являюсь объективным рупором контрреволюции... по существу своему я сам был контрреволюционером. (...) Я знаю, что заслужил

суровой кары и не боюсь её. Но элементарные правила политической честности заставили меня признать то, о чём я пишу. Пусть ваш приговор будет суров... я приму его как заслуженное».

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206, л. 52 – 53 (рукописный подлинник).

Приложение б.

Из заявления арестованного Д. Н. Семёнова начальнику СПО УГБ УНКВД по Запсибкраю С. П. Попову от 7 марта 1935 г.

«(...) Я, считавший себя большевиком-ленинцем, защитником интересов рабочего класса, очутился в одной компании с меньшевиками, кулачьём, шпионами, бандитами, валютчиками и т. п. отрепьем. (...) ДПЗ явился для меня хорошей школой политграмоты. Я стал другим и к своему контрреволюционному прошлому не вернусь. Оно мерзко, отвратительно. Упорной честной работой я хочу загладить свою вину перед партией и рабочим классом. В ссылке мне это будет сделать очень трудно, так как трудящиеся станут меня сторониться как врага; мне не будут доверять, меня будут отталкивать. Поэтому я прошу НКВД дать мне возможность доказать своё исправление в одном из концлагерей. Я знаю, что в лагерях очень строгий режим... что в лагерь направляют открытых врагов Революции (я им не являюсь), но в их окружении мне значительно легче будет доказать, что я не враг, что я встал на путь борьбы со своим мрачным контрреволюционным «вчера»

Прошу не отказать в моей просьбе». ¹¹

Архив УФСБ по Новосибирской обл., д. п-15206, л. 56 – 56 об. (рукописный подлинник)

Комментарии

¹ В середине сентября 1926 г. секретарь Минусинского окротдела ОГПУ М. М. Филичкин направил письмо начальнику окротдела А. Г. Иванову и секретарю окружкома ВКП(б) М. М. Ноздрину, прося их «принять надлежащие меры как по линии ГПУ, так и по линии партии» к Д. Н. Семёнову. Филичкин сообщал, что 8 сентября комсомолец ячейки ОГПУ В. Т. Кузмин ему рассказал, что Семёнов, разговаривая с политссыльным меньшевиком Ю. Цедербаумом, заявил: «Скоро, мол, и я поеду в Нарымский край в ссылку за то, что поддерживаю точку зрения оппозиции». Филичкин отмечал, что аналогичные высказывания Семёнов делал в разговорах с беспартийными работниками окротдела ОГПУ и посторонними лицами. Он подчёркивал, что в «выявленном действии т. Семёнова по отношению к Цедербаум(у) нет ни малейшей линии чекиста, и я опасаюсь за сохранность в секрете всей работы Секретного Отделения ОГПУ и его линии по отношению к антисоветским партиям, среди которых он ведёт работу». ГАНО, ф. п-6, оп. 2, д. 2975, л. 46.

² Э. Ф. Лагздин записал беседу с Семёновым тогда же, 23 сентября 1926 г. Согласно этой записи, Семёнов сказал, что 11 человек собрались у него 25 июля и все высказывались против линии партии. Во время работы в Уральском обкоме комсомола «мы там получили секретные директивы, чтобы оппозиционеров не выдвигали на руководящую работу, по-моему, это было несправедливо». В окротделе ОГПУ Н. П. Константинов назвал Семёнова мальчишкой, провокатором и «хуже, чем предателем», так что Семёнов в ответ едва удержал себя от оскорбления действием. Семёнов цитировал мнение Ленина о невозможности строительства социализма в одной стране без мировой революции, а отметив слова Н. И. Бухарина о том, что доходность частного сектора много выше государственного, спрашивал: «Не преобладают ли у нас капиталистические элементы?» Лагздин зафиксировал и такие высказывания своего оппонента: «Я читал заграничные газеты, где они иронизируют, например, какая разница между политбюро и цирком, и пишут, что в цирке один укротитель заставляет себя слушать несколько львов, а политбюро не может укротить одного льва (*Троцкого*)» или расшифровывают комсомол, как «компанию, сосущую молоко». Там же, л. 45 – 46.

25 сентября Лагздин панически сообщал в Новосибирск зампреду СибКК ВКП(б) Я. М. Банковичу, что в Минусинске оппозиционно настроенные коммунисты стали организовываться в особую группу и в августе провели тайное собрание. Информация Семёнова о том, что он получил из Москвы письмо о снятии видного большевика В. И. Зофа с должности за принадлежность к оппозиции, дала повод Лагздину резюмировать: «Из всего вышесказанного ясно, что из Москвы т. Семёнов получает директивы, как действовать и т. д. Прошу Сиб. КР. (*краевую*) КК сообщить мне – каким методом выявить оппозиционеров и (*дать*) другие указания по отношению к оппозиционерам». Там же, л. 43.

³ Вот характерные выдержки из этого письма от 13 октября 1926 г.: «(...) Фамилии товарищей останутся неизвестными! Предательство я не совершал и не пойду на него! (...) Я сказал всё! Теперь судите!» Там же, л. 27 – 28.

⁴ Протокол закрытого собрания членов и кандидатов ВКП(б) ячейки при Минусинском окротделе ОГПУ и табачной фабрики «Динамо» от 18 октября 1926 г. говорит, что на нём присутствовало 16 чел., председатель – М. М. Филичкин. После доклада об итогах работы 6-го пленума Минусинской организации ВКП(б), обсуждения кандидатур в состав окружкома и выбора делегатов на окружную партконференцию было рассмотрено дело Семёнова.

В ответ на обвинения Филичкина и вопросы присутствующих Семёнов заявил: «Служебное время фракционной работе я не уделял. С меньшевиками разговоров на тему оппозиции и высылки меня в Нарымский край не вёл. Меньшевики – враги, я это знаю и моя вина лишь в том, что говорил по этим вопросам с некоторыми комсомольцами. (...) О своих взглядах (оппозиционных) я говорил со многими товарищами, как-то: Зинуковым, Ноздриным, Лагздиным и др. Созыв фракционных собраний проводился только в присутствии партийцев, это никому не возбраняется. О выговоре с занесением в личное дело: я составил меткую и довольно справедливую заметку, последняя попала в «Крокодил», за это мне и вынесли выговор, но не за склоку, как говорят здесь на собрании, а за резкий тон. Уверяю, что этот выговор был снят по моему заявлению и почему он остался всё же в деле – не знаю. (...) Мне шло почтой «Завещание Ильича», я его не получил и где оно, не знаю... Если

коммунист думает одно, а делает другое – он не коммунист. Не было бы честно, если бы я думая одно, делал другое.

Вопрос о строительстве социализма я разделяю с оппозицией. Если я осознаю свои ошибки, я вновь вступлю в партию и буду с нею, если же нет, то останусь с оппозицией».

ПРЕНИЯ:

Уколов: Семёнов часто говорит: «Может, я ошибаюсь». Он говорил мне, что не согласен с решениями 14 партсъезда. (...) На вопрос же, кто был на собрании, ответил: «Не выдам». На мои ему слова о вреде фракционности он ничего не ответил. Тов. Семёнов – неуравновешенный член партии... пребывание тов. Семёнова и в партии, и даже в Минусинске – излишне.

Сецко: Учить т. Семёнова нам не приходится, его учили Окружком и КК. Семёнов говорит, что: «Я, может, ошибаюсь», он не говорит, кто был у него на собрании. (...)

Авгул: Тов. Семёнов с приходом в наш Отдел стал вести разлагающую работу. Зинукову он говорил, что собрание у него было, но кто на нём был и что обсуждали – не сказал. Выдавал себя всем за оппозиционера, вёл разговор с Цедербаумом Ю. об оппозиции и говорил ему, что будет выслан в Нарым. Разглашал чекистскую работу. Мой вывод – Семёнова исключить из партии.

Понедельников: На вопрос Уколова, признаёт ли Семёнов себя членом партии и подчиняется ли собранию, Семёнов ответил утвердительно, но в то же время не хочет указать, кто был у него на фракционном собрании. На собрании (*в отделе ОГПУ*), где стоял вопрос т. Зинукова об оппозиции, Семёнов вёл запись, но потом не выступил, якобы ему Предсобрания Сенаторов не дал слова, а после этого стал об этом «бузить». ...Я настаиваю, чтобы Семёнов сказал, кто был у него на собрании и что там делалось. (...)

Гусев: Прав, вероятно, Уколов, что у Семёнова не было никакого собрания, ему просто стыдно сознаться, иначе бы он, Семёнов, сказал, кто у него был... Семёнов, по-моему, в будущем осознает свою ошибку.

(...)

Филичкин: Семёнов приводил здесь одни склочные факты (с Ноздриной, Андреевым, Директором Танну-Тувинского банка и пр.)... данное ему Отделом наказание считает как бы репрессией со стороны Отдела, Окружкома и Контрольной Комиссии. В своей объяснительной записке пишет и высказывает свои меньшевистские взгляды. Ездя в Москву, истратил на свои нужды динамовские средства и не был отдан за это под суд потому, что он наш сотрудник. Я предлагаю Семёнова из партии исключить без права поступления.

Семёнов: Создавать сам на себя дело я не могу. Что делаю – знаю. Факты о Ноздриной и других у меня имеются, кто сказал – не отвечу. Если я считаю, что оппозиция права, то я с нею и буду».

Собрание постановило исключить Семёнова из членов ВКП(б) без права поступления. Там же, л. 17 – 20.

⁵ Ходлер Ф. (1853 – 1918), швейцарский живописец-модернист.

⁶ На заседании окружной контрольной комиссии 23.10.1926 г. отмечалось, что «тов. Семёнов свои действия и взгляды признаёт правильными и говорит, что также в будущем будет действовать согласно своих убеждений, поскольку признаёт линию ЦК партии неправильной, он будет бороться против партии» и цитировалось заявление Семёнова от 13 октября 1926 г. о том, что «его толкают

на необходимость новой борьбы за чистоту учения Ильича... зовут для сплачивания сил для удара по поднимающей голову «Сталиновщине». Обвинив чекиста в «противопартийной фракционной деятельности» и «разлагающей работе среди ВЛКСМ, в результате чего имеется случай выхода из комсомола Сорокиной, его близкой знакомой», контрольная комиссия постановила: «За организационную противопартийную работу тов. Семёнова исключить из ВКП(б)». 29.10.1926 г. у Семёнова был отобран партийный билет. ГАНО, ф. п-6, оп. 1, д. 411, л. 166.

⁷ Келлерман Бернгард (1879 – 1951), немецкий писатель-романист.

⁸ Первоисточник см. в эпиграмме Н. Щербины: «У нас чужая голова, // А убежденья сердца хрупки... // Мы – европейские слова // И азиатские поступки».

⁹ Донос комсомолки И. Китайкиной о вербовке Семёновым единомышленников см.: ГАНО, ф. п-6, оп. 2, д. 2975, л. 37.

¹⁰ Д. Н. Семёнов 24.3.1927 г. был восстановлен в партии Сибирской краевой контрольной комиссией ВКП(б) «как осознавший свои ошибки и как рабочий по социальному положению». Там же, л. 1.

¹¹ Д. Н. Семёнов, арестованный в Новосибирске 5 января 1935 г., постановлением Особого совещания НКВД СССР от 9 мая 1935 г. был за «контрреволюционную троцкистскую деятельность» осуждён на 5 лет ИТЛ и этапирован со спецконвоем в Дальлаг НКВД СССР с последующим взятием «на особый учёт». Реабилитирован 15 июня 1989 г.

Биографический указатель

АВГУЛ Георгий Филиппович (1896 - ?). Чл. компартии с 1918. Из семьи сапожника, латыш, образование начальное. Рабочий, с 1915 служил в российской армии, в 1918-19 в РККА. С 1920 уполномоченный по политпартиям и следствию Татарского и Славгородского политбюро Омской губЧК. С 1921 дежурный комендант Омской губЧК, уполномоченный Омского губотдела ГПУ по Татарскому и Омскому уездам. В 1925-28 зам. нач. Минусинского окротдела ОГПУ; на 1929 пом. нач. ИНФО ПП ОГПУ Сибкрая.

БАНКОВИЧ Янис Мартынович (1883 – 20.11.1938). Чл. компартии с 1902. Из рабочих, латыш, образование начальное. Чл. Рижского и Федеративного парткомов ЦК Латышской СДРП, арестован в 1906 в Риге, осуждён на 8 лет каторги. С 1917 товарищ комиссара труда Латвии. В 1918-19 уполномоченный ВСНХ РСФСР. С 1919 нач. Особотдела ВЧК 15-й армии. С марта 1920 зам. пред. Енисейской губЧК, в 1920-21 зав. отделом управления Енисейского губисполкома. С 1924 чл. и зам. пред. СибКК РКП(б). В 1928-30 пред. Иркутского окрисполкома. С 1930 зам. торгпреда СССР в Турции, с 1932 пред. Одесской облКК ВКП(б). В 1934-37 секретарь Воронежской облКК ВКП(б), снят с работы за «примиренчество к врагам народа». Арестован 7.1.1938, расстрелян. Реабилитирован 13.10.1956.

ГРЕЦОВ Алексей Никанорович (1885 - ?). Чл. компартии с 1905. Уроженец Дмитриевского уезда Московской обл. Рабочий, русский, образование начальное. Работал литейщиком. В 1917-18 чл. Енгубисполкома и

Чрезвычайной следственной комиссии при губисполкоме, чл. Енисейской губЧК. В 1920-21 служил в РККА. С 1925 партследователь и чл. партколлегии СибКК ВКП(б). В 1929-30 секретарь партколлегии Иркутской окрКК, в 1931-34 зам. секретаря, секретарь партколлегии Вост.-Сиб. крайКК ВКП(б). С 1934 чл. партколлегии КПК по ВСК, в 1935-37 секретарь ПК КПК ВКП(б) по ВСК. Арестован 13.1.1938, по ст. 58-10-11 УК осуждён на 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 13.4.1963.

ДУМИН Александр Андреевич (? - ?). Чл. компартии с 1926. С 1920 служил в войсках ВЧК-ОГПУ, телефонист. С 1926 нач. Минусинского и Ачинского пунктов фельдсвязи ОГПУ. До 1937 нач. Ленинск-Кузнецкого пункта фельдсвязи, с марта 1937 нач. экспедиции связи Сталинского ГО УНКВД ЗСК. По словам Д. (в июле 1938): «...Больше всего я принимал участие в особых оперативных мероприятиях УГБ... немного работал на следствии». С 1938 нач. пункта связи Нарымского окротдела УНКВД НСО.

ЗИНУКОВ Николай Никитович (1890 - ?). Чл. компартии с 1920. Из крестьян, русский, образование среднее. Работал чернорабочим и канцеляристом. С 1913 служил в российской армии, с 1918 в РККА, с 1919 в угрозыске Новосильского уезда Тульской губ., «раскрыл два белогвардейских заговора». В 1921 нач. Сибирского отделения угрозыска Республики. С 1922 работал в Секретном отделе Омского губотдела ГПУ, нач. ЭКО и СО там же. С 1924 зам. нач. Омского губотдела ОГПУ. В 1925-28 нач. Минусинского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая, 15.9.1928 был уволен из ОГПУ за допущение пьянства в аппарате окротдела. На 1934 нач. политотдела УРКМ УНКВД по Средне-Волжскому краю.

ЗОФ Вячеслав Иванович (1889 – 20.6.1937, Москва). Чл. компартии с 1913. В июле 1917 организовал тайный приезд Ленина в Разлив. С 1919 чл. РВС Балтфлота, в 1924-26 нач. ВМС и чл. РВС СССР. С 1927 пред. правления «Совторгфлота», зам. НКПС СССР, зам. наркома водного транспорта СССР. Директор завода «Компрессор» в Москве, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

ИВАНОВ Александр Гаврилович (1898 - ?). Чл. компартии с 1919 (с 1917?). Из рабочих, русский, образование начальное. Ученик ювелира, с 1916 токарь в Петрограде. Участник Февральской революции; красногвардеец. С 1919 в РККА, политработник; участник подавления Ишимского восстания. С 1921 уполномоченный по общим и военным делам Татарского политбюро Омской губЧК. На 1922-23 уездный уполномоченный Омского губотдела ГПУ по Татарскому уезду. В 1925-28 уполномоченный секретного отделения и зам. нач. Минусинского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая.

КОНСТАНТИНОВ Николай Петрович (1900 - ?). Канд. в чл. компартии с 1923. С 1919 следователь РВТ Восточного фронта и юридического отдела Омской губЧК. В 1920-21 уполномоченный и нач. отдела по борьбе с бандитизмом Омской губЧК. На 1925-26 пом. нач. ИНФО ПП ОГПУ Сибкрая. На 1927-29 уполномоченный КРО Минусинского окротдела ОГПУ. С 1929 уполномоченный ЭКО ПП ОГПУ Сибкрая.

ЛАГЗДИН Эдуард Фрицевич (1893 – 21.10.1937). Член компартии с 1908 г. Латыш, образование начальное. Работал пастухом и печником. В 1914 мобилизован в российскую армию, в 1915 дезертировал. С 1924 чл. Томской губКК РКП(б), с 1925 (и на 1927) пред. Минусинской окрКК ВКП(б). На 1937 прокурор Курагинского района Красноярского края, арестован и расстрелян. Реабилитирован.

ЛАШЕВИЧ Михаил Михайлович (1884 – 30.8.1928, Харбин). Чл. компартии с 1901. В 1917 чл. Петроградского ВРК, чл. Президиума ВЦИК, затем в РККА – командарм, чл. РВС фронтов. В 1922-25 пред. Сибревкома и ком. войсками СибВО. С 1925 зам. наркомвоенмора и зам. пред. РВС СССР. В 1918 чл. ЦК РКП(б), 1925-27 канд. в чл. ЦК ВКП(б). В 1926-28 зам. пред. правления КВЖД. В 1927 исключен из ВКП(б), в 1928 восстановлен. Погиб в результате дорожно-транспортного происшествия.

ЛЕЛЕВИЧ Г. (Калмансон Лабори Гилелевич) (1901 – 10.12.1937, Москва). Чл. компартии в 1917-28 и 1930-35. В годы гражданской войны партработник, печатался с 1917. Поэт, критик вульгарно-социологического толка; один из лидеров журнала «На посту» и ВАПП. За участие в троцкистской оппозиции в 1928 выслан на 3 года, в 1930 досрочно освобождён. На 1934 зам. директора НИИ нацкультуры при ЦИК Дагестанской АССР, после убийства Кирова был осуждён на 5 лет заключения. Повторно осуждён и расстрелян. Реабилитирован.

МЕХЕДОВ Николай Ильясович (Ульянович) (1908 - ?). Канд. в чл. компартии с 1931. Из крестьян, образование начальное. В 1926-30 делопроизводитель Минусинского окротдела ОГПУ, в 1930-32 райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Абаканскому р-ну; снят 7.2.1932 за ложную информацию и склоку, арестован на 15 суток. В 1932-36 оперуполномоченный особотдела 78-й стр. дивизии при Томском оперсекторе ОГПУ-НКВД, мл. лейтенант ГБ. В 1937 сотрудник УГБ Бийского РО УНКВД ЗСК.

МУХАЧЁВ Трофим Селивёрстович (1894 – ?). Чл. компартии с 1919. Из рабочих, русский, образование начальное. С 1918 сидел в колчаковской тюрьме, бежал. В 1919 партизан в Алтайской губ. В 1921 нач. Верх-Чумышской (Кытмановской) раймилиции Алтайской губ., в 1921-22 комендант концлагеря принудработ (Алтайская губ.). На 1926, вероятно, сотрудник Минусинского окротдела ОГПУ. На 1932 сотрудник Транспортного отдела ПП ОГПУ ЗСК в Новосибирске. На 1937 директор новосибирского Мехторга. На 1962 пенсионер в Новосибирске, пред. бюро секции истории гражданской войны и чл. совета военно-научного общества Дома офицеров СибВО.

МЯСНИКОВ Гавриил Ильич (1889 – 16.11.1945, Москва). Чл. компартии в 1906-22. Из бедной семьи, русский, образование начальное. Рабочий, профессиональный революционер. Пред. Мотовилихинского совета рабочих депутатов, в 1920 пред. Пермского губкома РКП(б). В 1918 организовал похищение и убийство великого князя Михаила, также организатор убийств архиепископа Андроника и ряда специалистов Мотовилихинского завода. Лидер оппозиционной группы «Рабочая правда», за критику властей арестовывался в 1922 и 1923. В 1923-27 отбывал заключение в Москве, Томске, Вятке, затем сослан в Ереван, откуда 7.11.1928 бежал за границу. Находился в

иранских и турецких тюрьмах. В 1930-44 жил во Франции, работал на заводах. В янв. 1945 обманом вывезен в СССР, сразу арестован и расстрелян.

НАДОЛЬСКИЙ Владимир Андрианович (? - ?). Чл. компартии. В революционном движении с 1912. В 1917-18 маркшейдер на Кольчугинских коях в Кузбассе. Летом 1918 организовал Кольчугинский фронт и две недели защищал рудники от белочехов. Пленён и арестован, после 7-месячного заключения бежал и скрывался. Перешёл линию фронта и воевал в составе 5-й армии Восточного фронта. С нояб. 1919 служил в Петропавловской уездЧК, затем в Омской губЧК. С 20.2.1920 следователь Славгородской уездЧК Омской губ. С 1.5.1920 зав. Кузнецкой уездчека и политбюро Томской губ., нач. уездмилиции. В сент. 1920 снят с должности и привлёкся к суду за самовольный арест уездного продкомиссара. На 1921 пред. Томского губревтрибунала, в июле 1921 губкомом РКП(б) снят как неблагонадёжный с передачей дела в ТомгубЧК.

НИКОЛАЕВ Леонид Васильевич (1904 – 29.12.1934). Чл. компартии с 1924. Работал в советских и партийных учреждениях Ленинграда. 1.12.1934 из личной мести в Смольном застрелил С.М. Кирова, арестован. Расстрелян. Не реабилитирован.

НОЗДРИН Михаил Михайлович (1885 - ?). Чл. компартии с 1905. Русский. Арестовывался за антиправительственную деятельность, трижды бежал из ссылки. В 1918-20 командовал партизанским отрядом в Енисейской губ. С 1920 зав. орготделом и секретарь Иркутского губкома РКП(б). В 1922-25 ответственный секретарь Донского и Ставропольского губкомов РКП(б). В 1925-26 секретарь Минусинского окружкома ВКП(б), затем секретарь Новосибирского окружкома и Анжерского РК ВКП(б). С 1932 зав. отделом кадров Запсибкрайкома ВКП(б), с 1933 первый зам. пред. крайсуда ЗСК. На 1939 зав. сектором кадров конторы Госбанка по Новосибирской обл.

ПОПОВ Серафим Павлович (1904 – 29.1.1940, Москва). Капитан ГБ (1937). Чл. компартии с 1928. Русский. До 1932 в ПП ОГПУ по Центрально-Чернозёмной обл., затем нач. отделения в СПО ПП ОГПУ ЗСК. С 1935 пом. нач. и зам. нач. СПО, с 1.2.1937 нач. СПО УНКВД ЗСК; с мая 1937 одновременно врид нач. Особотдела ГУГБ НКВД СибВО. С июня 1937 нач. Барнаульского оперсектора УНКВД ЗСК, с 7.10.1937 нач. УНКВД по Алтайскому краю. Арестован 17.(23?)12.1938, расстрелян. Не реабилитирован.

СЕМЁНОВ Дмитрий Николаевич (1904 – после мая 1982). Чл. компартии с 1923, чл. ВЛКСМ с 1920. Из рабочих, русский, образование начальное. Отец погиб в 1905, мать – грузчица почтамта в Москве. В 1918-19 чл. ассоциации молодых анархистов в Москве. В течение полугода находился в партизанском отряде на Украине, с 1921 доброволец РККА, политрук роты. С 1923 комсомольский работник в Саратове и Шадринске (зам. секретаря окружкома). В апреле - октябре 1926 уполномоченный секретного отдела Минусинского окротдела ОГПУ. На 1932 руководил Хакасским облсоветом Союза воинствующих безбожников. На 1934-35 методист крайсовета Союза воинствующих безбожников в Новосибирске. Арестован 5.1.1935 за «антипартийную контрреволюционную деятельность». ОСО при НКВД СССР

был осуждён по ст. 58-10 УК на 5 лет ИТЛ и отправлен в Дальлаг НКВД. На 1982 жил в Москве. Реабилитирован.

СЕНАТОРОВ Константин Иванович (1891 - ?). Чл. компартии с 1920. Русский, образование начальное. На 1922 регистратор Минусинского политбюро Енисейской губЧК. С 1928 (и на 1932) райуполномоченный ПП ОГПУ Сибкрая-ЗСК по Курагинскому р-ну Минусинского округа.

ФИЛИЧКИН Максим Максимович (? - ?). Канд. в чл. компартии с 1924. Из бедных крестьян. На 1926 секретарь и парторг Минусинского окротдела ОГПУ. На 1927-29 сотрудник Томского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая.

ЦЕДЕРБАУМ Юлий Сергеевич (1907 – 1940). Сын С.О. Ежова (Цедербаума), отбывавшего ссылку в Минусинске в 1925-27. Арестован 28.4.1937 в Московской обл.

ШЕВЕЛЕВ–ЛУБКОВ Василий Павлович (1892 – 22.7.1938). Чл. компартии с 1917. Из крестьян, русский, образование начальное. Участник Первой мировой войны, подпрапорщик, награждён Георгиевским крестом. В 1918 создал партизанский отряд, до конца 1919 действовавший в Мариинском, Кузнецком и Щегловском уездах Томской губ. С дек. 1919 ком. повстанческой армии из 8 тыс. чел., реорганизованной в Томскую советскую партизанскую дивизию. В сент. 1920 арестован чекистами, вскоре освобождён. В 1920-21 зам. председателя Щегловского (Кемеровского) совета рабочих и крестьянских депутатов, организатор «красного бандитизма», практиковал, опираясь на бывших партизан, массовые бессудные расправы над «контрреволюционерами». В 1926 чл. правления Сибхотсоюза, 25.9.1926 исключён из ВКП(б) в Новосибирске за связь с внутривнутрипартийной оппозицией. В 1930-х нач. строительства мельничного комбината в Сталинграде, арестован в 1936. Допрашивался в Новосибирске. ВК ВС СССР 22.7.1938 по ст. 58-2-8-11 УК был осуждён к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован.

ЯНАЙТ Альфред Карлович (1904 - ?). Чл. компартии с 1923. Из рабочих, латыш, образование начальное. Работал кузнецом. С 1920 работал в Томском губкоме РКСМ, секретарь РК КСМ в Колпашеве и Томске. С 1925 секретарь Минусинского окружкома ВЛКСМ.

ЯСТРЖЕМБСКАЯ Мария Вячеславовна (1903 - ?). Чл. компартии с 1925. Окончила 5 кл. гимназии. В 1925 секретарь правления Минусинского отделения профсоюза работников искусств. В 1926 машинистка Минусинского окротдела ПП ОГПУ Сибкрая.
